

Г.Б. Сыченко

**УЛЬГЕНЬ, ТЪАЖИН, КЫРГЫС И ДРУГИЕ...  
(ЗАМЕТКИ О ЧАЛКАНСКОМ ШАМАНСТВЕ)**

"Ульгень - сердитый бог. Он рассердится - никого в семье в живых не оставит. Тъажин одного-двух всё равно оставит. Мы с Шурой остались. А Ульгень никого бы не оставил".

Эти загадочные слова, без дальнейших комментариев, произнесла моя собеседница, Александра Казакоповна Кандаракова. Наша беседа длилась уже очень долго, и я торопилась записывать в дневник всё, что мне сообщалось. Так подробно и доверительно мы разговаривали впервые.

Полный контакт установился после того, как я вызвалась помочь пожилой женщине прополоть и окучить картошку. В предгорьях Алтая картошка растёт прекрасно, она давно стала основным продуктом не только для русских переселенцев, но и аборигенных жителей тайги – чалканцев, кумандинцев, тубаларов. Работать на огромной картофельной плантации моей собеседнице явно не хотелось, однако настойчивые расспросы по интересующей меня теме также не находили у нее отклика. В конце концов, мне ничего не оставалось, как предложить себя в качестве подсобной рабочей силы. "Опять тебе, Казакоповна, повезло: осенью Анна с Катериной<sup>1</sup> приезжали, помогли картошку выкопать, теперь вот – Галина", - неодобрительно прокомментировал сей факт живущий в соседнем доме Виктор Данилович, муж младшей сестры моей героини.

Работали мы долго, пока нас окончательно не допекло жаркое июльское солнце. Сели передохнуть посреди картофельного поля, и я вновь приступила к своим расспросам. Незаметно мы переместились в дом. Половина картофельного поля осталась неокученной, но Казакоповну это, похоже, уже не волновало...

Это была моя третья поездка в Суранаш.

А началось всё в январе 1985 года, когда небольшая музыкально-этнографическая экспедиция прилетела на вертолете в маленькое село в северной части Республики Алтай (в то время – Горно-Алтайской автономной области). Экспедиционный отряд состоял из трех человек – двух студенток второго курса

теоретико-композиторского факультета Новосибирской консерватории и студента-архитектора Новосибирского строительного института. Костя – единственный мужчина в отряде – заболел, и мы вынуждены были оставить его в районном центре. Таким образом, в Суранаш нас прибыло двое.

К тому времени мы с Наташей<sup>2</sup> уже имели опыт самостоятельной полевой работы, поэтому полная неизвестность того места, куда мы направлялись, отсутствие проводника и переводчика не смущали. Мы знали точно: в любом, самом маленьком населенном пункте есть представители советской власти, которые всегда окажут помощь приехавшим по делу людям. В то время это правило работало практически безотказно.

В Суранаше, который оказался отделением совхоза (там находилась отдаленная животноводческая ферма), советская власть была представлена молодым управляющим фермы по имени Саша. Он привел нас в дом своей матери, где мы оставили вещи, пообедали, а затем пошли работать.

Записали нескольких бабушек, исполнявших, в основном, песни-*сарыннар*. К вечеру Саша привел нас в дом своей родственницы, Александры Казакоповны Абашевой. Чтобы не путаться в дальнейшем, поясню здесь: в моем рассказе будут фигурировать две сестры с одинаковыми именами. Старшую, которой я помогала окучивать картошку, звали Александра Казакоповна Кандаракова, но в основном все звали ее сокращенно Шура. Младшая, Александра Казакоповна Абашева, звалась Санька. В дальнейшем я буду называть их сокращенными именами.

Санька была последним, шестнадцатым ребенком в семье шамана Казакопа Барбачакова, у которого, как и у многих других шаманов, в 1934 году забрали бубен. Всё это выяснилось быстро и как бы само собой. Чувствовалось, что судьба отца и все, что с этим связано, было очень важным для наших собеседниц. Заодно выяснилось, что и второй муж Шуры, Манакон Кандараков, тоже был шаманом, и она могла бы показать нам, как камляет шаман.

Мы поговорили о бубне отца, о том, кто и как его изготавливает, о божествах и духах – тут я впервые услышала имена Тьажин, Кыргыс и Солоп. Затем записали звукоподражания – имитации голосов животных и птиц, скотоводческие сигналы, песни.

Было уже довольно поздно. Мы все сидели за столом. На столе стояла водка. И вот Шура, наконец, решила показать, как камлал отец.

Нам уже приходилось раньше записывать так называемые имитации шаманского пения. Исполнители, которые слышали когда-то, чаще всего, в детстве, пение шамана, по нашей просьбе воспроизводили его для записи на магнитофон. Мелодии даже в таком исполнении отличались от обычных песен, певцы старались изменить тембр голоса, подчеркнуть необычность пения шамана. При этом было очевидно, как далеко это от настоящего шаманского пения. То, что мы услышали на этот раз, не походило ни на какие имитации.

Сидя на стуле, Шура обращалась к духам гор, вод и делала кропление водкой. Она поворачивалась на стуле по мере называния новых имен, в соответствии с воображаемым путешествием. Шел непрерывный диалог. Шура восклицала: "Аксыялуг<sup>3</sup>!" Духи спрашивали: "Что случилось, Аданыг<sup>4</sup>?" Контакт с духами был реальным, следовательно, это не было имитацией.

Камлание длилось недолго, так как певица, вероятно, ощущала дискомфорт. Нервно вели себя и окружающие, пытаясь ей помешать. При прослушивании записи она была крайне взволнована, плакала, глубоко дышала в соответствии с ритмом пения, как бы переживала все заново. Одного звука, словно пароля, было достаточно, чтобы состояние исполнительницы изменялось<sup>5</sup>.

Далее события развивались следующим образом. После прослушивания фонограммы и уточнения имен некоторых духов, упоминавшихся в камлании, инициативу перехватила Санька. Она спела несколько песен, потом стала показывать, как исполнял эпическое сказание "Карату-каан" её зять Завьял Александрович Курусканов, первый муж Шуры. Эпическое пение у чалканцев, как и у других алтайских тюрков, называется *кай*. Завьял исполнял сказание каем от начала до конца, однако в исполнении Саньки фрагменты кая чередовались с речью.

Была уже глубокая ночь, когда Санька вдруг начала камлать. В принципе, она обещала нам показать камлание, но не сегодня. Однако, судя по всему, обстановка оказала на неё определенное воздействие, и она стала шаманить под влиянием

непреодолимого желания. Ситуация была сложной, поскольку в распоряжении шаманки уже не было водки. Общаться же с духами без угощения довольно опасно: есть риск навлечь на себя их сильное неудовольствие и даже гнев. Шура это хорошо знала, поэтому в конце концов она остановила младшую сестру.

Вскоре мы переместились в дом Шуры, находившийся тогда довольно далеко (позже она переехала поближе к сестре). У нее была закваска для приготовления браги. Видно, ей не давало покоя "неправильное", без угощения духов, камлание, устроенное Санькой. Начался довольно длительный процесс выгонки самогона. Мы улеглись спать, совершенно обессиленные. Около 6 часов утра нас разбудило пение Саньки. Оно шло в гораздо более быстро темпе, отличалось невероятной экспрессией. Никакого налета "демонстрационности" на нем не было. Это было совершенно естественное, не вызванное никакими исследовательскими просьбами, реальное камлание. Рассерженные духи пришли и потребовали обещанного ранее угощения. По выражению исполнительницы, они стали её "теревить". Данное камлание мы смогли записать только частично, так как началось оно внезапно, а закончилось на улице, куда нас с нашим магнитофоном не пустили.

Вечером Санька опять угощала своих духов на улице. Нам идти с ней запретила. Мы записали песни, сказки, легенды, плач-причет по умершему ребенку, но шаманить для записи больше никто из сестер не стал. Вероятно, всё случившееся внесло какой-то дискомфорт во взаимоотношения людей и духов, и люди благоразумно решили поостеречься от подобных ситуаций впредь. Забегая вперед, скажу, что в следующий наш приезд летом этого же года сестры встретили нас недружественно. Работать наотрез отказались. Санька даже выпроводила нас из своего дома.

Только через семь лет, в 1992 году, мы встретились вновь, и на этот раз всё было по-иному. Встреча произошла во время праздника-слёта чалканцев, куда меня пригласил Яков Андреевич Пустогачев, директор Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Предполагалось, что моя роль будет заключаться в аудио- и фото-фиксации всего происходящего на празднике. Моей основной целью было попасть в Суранаш.

25 июня в 11 часов началась официальная церемония открытия праздника. Я, вооруженная фотоаппаратом, была наготове. Председательствующий объявил о том, что слово для произнесения приветственного благопожелания (*алкыш*), призванного обеспечить успех всего мероприятия, предоставляется Абашевой Александре Казакоповне. Я увидела Саньку.

Держа в одной руке пиалу с водкой, а в другой – деревянную ложку, она начала кропление духам. Вместо произнесения алкыша она стала петь. Вскоре она вошла в транс.

Услышав самый первый звук, я кинулась в гостиницу за магнитофоном. Когда минуты через полторы я вернулась, Санька уже вовсю камлала, стоя в центре поля возле трибуны с президиумом. Камлание было непродолжительным, около десяти минут (моя магнитофонная запись – 9 мин. 25 сек.). Оно включало неизвестные мне раньше звуковые образы, напоминающие карканье птицы. В конце камлания Санька ударяла себя по спине, груди, как будто что-то стряхивая. Закончив петь, она еще какое-то время охала, вздыхала. Выпив немного водки, подала пиалу мне (обряд *үлүш*, то есть "доля, часть"), затем Якову Андреевичу.

Так состоялась наша третья встреча.

Санька прибыла в Курмач-Байгол, где проходил слет чалканцев, вместе с Виктором Даниловичем. Старшая Казакоповна осталась дома. Во время праздника поработать не удалось, поскольку все были настроены на праздничный лад. С замиранием сердца я спросила Саньку, нельзя ли мне будет приехать в Суранаш и поработать с ней. К моей неописуемой радости она согласилась.

Итак, 29 июня 1992 г. я вновь встретила с сестрами в Суранаше. Эта встреча была наиболее замечательной по результатам. Во-первых, был записан на магнитофон полный, настоящий шаманский обряд, который Санька совершила для своей соседки. Во-вторых, от обеих сестер, но особенно старшей, я записала большое количество культурологической информации, касающейся их семейной шаманской традиции.

Перечислю здесь основные блоки, на которые можно разбить данную информацию: 1. Шаманская родословная; 2. Шаманский пантеон; 3. Шаманская Вселенная; 4. Деятельность

шамана; 5. Бытовое поведение шамана; 6. Шаманские рассказы; 7. Психофизиологические аспекты шаманской практики.

Конечно, не все эти темы были раскрыты до конца. Шаманизм, даже ограниченный рамками отдельной семейной традиции, – тема неисчерпаемая. Многие вещи выяснялись неожиданно, случайно. У меня с собой были текст и перевод самого первого – и единственного – образца камлания, исполненного Шурой. Этот текст был подготовлен Е.П. Кандараковой. В нем, как и всегда в шаманских текстах, было очень много неясных мест. Мои вопросы, касающиеся того или иного персонажа, неизменно производили на Шуру большое впечатление. Даже минимальная осведомленность в деталях шаманского пантеона приводила к большей откровенности и новым открытиям.

Далее я хочу остановиться на первых двух темах, обозначенных в моем списке.

### **Шаманская родословная**

Я уже упоминала в начале о том, что отец моих героинь, Казакоп Барбачаков, был сильным шаманом. Он принадлежал к сеоку (роду) Серт, входящему в родовое объединение Шалгану<sup>6</sup>. Он имел бубен с деревянной антропоморфной рукояткой в виде двойного антиподально расположенного изображения. В 1934 г. бубен у отца был изъят. Шура была в краеведческом музее г. Горно-Алтайска, но бубна отца там не видела. Вероятно, большинство шаманских бубнов в 1930-е гг. было просто уничтожено.

Санька камлала с небольшим пучком березовых веток – *шырба*. По-русски обе сестры называли её "метёлка". Шырба делалась из девяти веточек, к ней привязывали девять ленточек. На мой вопрос, почему именно девять, Санька ответила: "Потому что было девять шаманов-предков. Это самый высокий шаманский пост, когда есть девять предков. Всех не знаю, в камлании вспоминаю четырёх: Катабал, Шулугун, Казакоп, Манакоп". Далее она пояснила, что духи-предки – это "души", "хозяин" которых (то есть человек) умер. Подошедшая вскоре Шура дополнила: с шаманом шаманят девять основных хозяев, а остальным – счёту нет. В общем, девять – некое идеальное число

духов-предков, особой категории шаманского пантеона. В реальности их бывает разное количество.

После смерти отца в 1943 г. шаманскую традицию унаследовал второй муж Шуры, Манакоп Денисович Кандараков (сеок Кожо, родовое объединение Шакшылыг, годы жизни 1877-1972)<sup>7</sup>. Притягивание духов со стороны жены – распространённое явление в тюркском шаманизме. После его смерти возникла проблема: кому продолжать шаманскую традицию. Данный вопрос находится в компетенции духов-предков. Именно они выясняют, у кого из родственников есть "лишняя" косточка – признак, по которому определяется будущий шаман.

Среди потомков Казакопа Барбачакова таким человеком явилась младшая дочь, Александра. Она родилась 25 июня 1926 г. в с. Воробьёвка, рядом с Суранашем. В школе не училась, так как постоянно болела мать, да и у самой Саньки было слабое зрение. Всё её образование ограничилось ликпунктом ("пункт ликвидации неграмотности"). В 1950 г. она вышла замуж и уехала в Таштагол. С 1952 по 1979 гг. жила в городах Прокопьевске, Новокузнецке<sup>8</sup> в рабочей шахтерской среде. Работала техничкой, чернорабочей, кипятила чай на швейной фабрике. Только в 1979 г. она вернулась в Суранаш. С начала 80-х Санька начала шаманить. С это времени она как бы заняла принадлежащее ей по праву место.

Что же происходило в период между 1952 и 1979 годами, когда "настоящего" шамана в Суранаше не было? Оказывается, в эти годы хранителем семейной традиции была старшая из сестёр. Именно после смерти мужа у неё появились признаки "шаманской болезни". Она начала камлать, самочувствие нормализовалось. С появлением в Суранаше Саньки Шура камлать перестала. При наших беседах Шура постоянно подчеркивала, что она не настоящий шаман, и даже не шаман вовсе. "Иди, спроси у шамана [то есть, у младшей сестры. - Г.С.] – шаман знает. Я не знаю," – часто говорила она.

Таким образом, в данном случае зафиксирован механизм передачи шаманской традиции внутри одного поколения семьи, связанный с временным "замещением" шаманского "поста".

Выяснение шаманской родословной в обратном направлении позволило установить вполне классическую схему наследования. Казакоп Барбачаков перенял традицию от своего

отца Айылчы Семеновича Барбачакова, а также дяди по материнской линии Костунке Инерекова (сеок Кузен). Никаких конкретных сведений о предшествующем поколении – предках по имени Катабал и Шулугун – сёстры не помнили.

По их словам, отец прожил 104 года, следовательно, родился он приблизительно в 1839 г. Даты рождения Айылчы и Костунке неизвестны, мы можем лишь приблизительно отнести их к первой трети XIX века. Катабал и Шулугун родились, вероятно, в конце XVIII в.

В целом шаманскую родословную А.К. Абашевой можно представить так:



В текстах камланий к именам предков, которыми их называли при жизни, добавлен префикс *кан*. "Кан" буквально означает "кровь". В контексте шаманских представлений данный термин можно интерпретировать как "кровные родственники, предки". Этот статус приобретал только умерший шаман.

### Шаманский пантеон

Помимо духов-предков, в шаманском пантеоне дочерей К.Барбачакова выделяются следующие категории персонажей:

**1.** Боги-небожители – *тегрилер* (мн. ч. от *тегри* - "небо"). Этим термином обозначается довольно значительное число богов. Их отличительными признаками являются расположение



на различных слоях неба, отсутствие материального тела. Каждый из них отвечает за различные сферы жизни человека.

Основным родовым богом или, по определению моих информанток, "старшим" среди всех является Тъажин. Он покровительствует человеку во всём. Может, если рассердится, вредить. "Если не поминаешь его, то сердится и вредит вплоть до смерти. Нужно уважать его жертвовать". Живет Тъажин на самом верхнем слое неба.

Второе по значению божество носит имя Кыргыс. Информация о нем противоречива. Особенно это касается его пола. Иногда мои информантки говорили о супружеских отношениях этой божественной пары, иногда указывали на его мужской пол. Несомненным было только то, что Кыргыс "младше", чем Тъажин.

У этой божественной пары имеются помощники, которых шаман упоминает при камлании. Они называются *торшин*. "Торшин – Кыргыса помощник, Тъажина помощник. У Кыргыса свой торшин, у Тъажина свой торшин. Они младшие".

Ниже Тъажина и Кыргыса, но тоже на небе, живет божество Поктан. Если до Тъажина и Кыргыса шаман может дойти только с бубном, то до Поктана может добраться шаман, кмлающий с *орбо* – "колотушкой". Это бог, у которого просят дождь или ведро.

Среди богов выделяются Увай и Пайна, имеющие функцию личных охранителей человека. Увай заботится о ребенке до пяти лет. После этого о человеке заботится Пайна. Располагаются и Увай, и Пайна вблизи человека, немного выше него.

Еще одна группа богов – охранители жилища человека. Это Тевир-каан (Железный хан) и Оон-кан (Большой хан). Они имеют общее название *дъурт ээзи*, то есть "хозяева юрты". Однако это именно боги, а не хозяева, так как не имеют материального тела. Я специально выясняла этот вопрос с Шурой. Она подтвердила "божественный" статус данных персонажей.

**2. Хозяева – ээзи.** Их несколько групп: хозяева гор, хозяева воды, хозяин огня. Отличительный признак "хозяев": они, в отличие от богов, имеют материальное тело.

Хозяева гор – *таг ээзи* – наиболее многочисленная и активная группа. У каждого шамана свой набор хозяев. Они составляют основу шаманской свиты. Среди них выделяется родовая гора. У моих информантов, суранашских чалканцев, это гора Солоп, которая располагается возле районного центра Турочак.

У А.К. Абашевой всего семнадцать *таг ээзи*. Все они имеют закрепленные за ними развернутые названия, своего рода "тителы":

- |                                |   |
|--------------------------------|---|
| 1) Улу кижн Кан-Аршыын         | Великий человек Кан-Арчын                     |
| 2) Устун-башту Кан-Дьалвачак   | Имеющий высокую вершину Кан-Дьалвачак         |
| 3) Дьети-дьодолу Кан-Сезнев    | С семьей родниками Кан-Сезнев                 |
| 4) Олгон тушкен Ущ-кундуль     | Спустивший от Ульгень, трижды почитаемый,     |
| Ушь-шьорвисту Аба-Солог        | С тремя косами Аба-Солог (букв. "отец-Солог") |
| 5) Алтын-Колнын бажина         | В верховьях Алтын-Кёля                        |
| Поле тушкен Кан-Товлок         | Отделившийся-спустившийся Кан-Товлок          |
| 6) Кан тегрин ат               | Конь небесного божества                       |
| 7) Олгон кызы Ала-шьонгма      | Дочь Ульгень Ала-шонгма                       |
| 8) Кадын-базы Кан-Алвыр        | Вершины Катунн Кан-Алвыр,                     |
| Уйвен-базы Кан-Алвыр           | Вершины Уйменя Кан-Алвыр                      |
| 9) Коргожинь башту             | С виднеющейся вершиной                        |
| Кан-Кыртыл                     | Кан-Кыртыл                                    |
| 10) Каду ташту Кара-Тув        | Со слоистыми камнями Кара-Тув                 |
| 11) Алту-дьалу Аба-Тура        | С шестью гривами Аба-Тура                     |
| 12) Дьажил-тону Кан-Тустам     | В зеленой шубе Кан-Тустам                     |
| 13) Тьактап тушкен Тьагана     | Выпавший-спустившийся Тьагана                 |
| 14) Кан(а) эртербис кадуу ташь | Загородку мы пройдем – твердый камень         |
| Бий(е) эртербис бийду ташь     | Этот мы пройдем вшивый                        |
| Кан-Толывар                    | камень Кан-Толывар                            |
| 15) Тьылан-ээзи Кан-Ийыктаг    | Змей хозяин Кан-Ийыктаг                       |
| 16) Кан-аванын базыны          | С вершин кровных-отцов                        |

Боле тушкен Кан-Айангбашь      Отделившийся-  
    спутившийся Кан-  
    Айангбашь  
 17) Улу кизи Кан-Оспорна      Великий человек Кан-Оспорна.

Во многих названиях *таг ээзи* есть указание на их небесное происхождение, генетическую связь с божествами. В беседе Шура подтвердила мое предположение: "Бог горы сделал и хозяев им дал".

*Таг ээзи* – очень активные и деятельные персонажи. С ними шаман общается постоянно и непосредственно. Сами горы (как элементы топографии) и их хозяева воспринимаются как нечто единое. Правильнее было бы говорить не "хозяин горы", а "гора-хозяин". В это понятие входит вся "недвижимость" горы (лес, земля). *Таг ээзи* антропоморфны, имеют аналогичную людям частную жизнь: это отличает их от всех прочих категорий.

Среди всех гор есть главная – родовая. Она, по сути, управляет всей ритуальной практикой – дает указания по изготовлению ритуальных атрибутов, призывается в начале каждого камлания, в начале каждого путешествия дает шаману снаряжение. С ней шаман общается больше всего, в том числе и вне камлания.

Хозяева воды – *суу ээзи* – это, в основном, хозяева рек. Есть упоминания о хозяевах целебных источников – *аржан-суу*. В ритуальной деятельности шамана участвуют хозяева рек. Хозяева целебных источников только почитаются.

В названиях хозяев воды обращает на себя внимание общая для них приставка-титул "мать":

- 1) Эвинь-ташту Эне-Куу      С мелкими камешками Мать-Лебедь
- 2) Эс-дьярлу Эней-Бий      Имеющая крутые берега Мать-Бия
- 3) Толвыр-ташту Эне-Полго.      Полная камней Мать-Байгол.

Лебедь, Бия и Байгол – реки на северном Алтае.

Как и *таг ээзи*, *суу ээзи* антропоморфны. Чаще всего представляются в виде женщины с золотыми волосами (хозяйка Лебеди).

Хозяин огня – *от ээзи*, *от дьылан* (букв. "огонь-пламя") – один, ведает всем огнем. Живет в доме: в очаге, в печке. Требуется

почитания, жертвоприношения, в противном случае может наказать пожаром.

3. Помощники шамана. Это служебные персонажи, являющиеся помощниками шамана в его ритуальной практике. Общего названия для них не выявлено. Отличительным признаком данной категории является то, что они не функционируют вне ритуала.

*Огыр-Букчи кан-кижи* – Огыр-Букчы кан-человек. Этот помощник выручает шамана в особо трудных и опасных походах, например, к покойникам. Он имеет железную саблю и шапку. Канады-дыжыл Кара кужым, Зеленокрылая черная моя птица, Пагры дыжыл пий кудыдым, С зеленой печенью господин [моей души?]

Пай кушкажым.

Священная моя птичка.

Эта птица – стосуставный гусь, на котором шаман перемещается во время камлания. Он живет на горе Алтын-Таг около Бии. Обычно гусь подает голос в заключительной части камлания.

4. *Эрлик* и злые духи-*азе*. Эрлик живет у плохого, черного озера, в болоте или под землёй. Эрлик и его помощники-*азелер* – "шайтаны" – похищают душу человека. С ними шаман до пота борется. Эрлик – у всех родов один, а верховный бог – разный. Тьяжин и Эрлик – братья. Тьяжин старше, Эрлик младше. Забрать душу у человека он может только с согласия Тьяжина. Деятельностью Эрлика во времена первотворения объясняется наличие зла и несовершенства в земном мире.

К Эрлику можно попасть с одной колотушкой, без бубна. К светлым богам без бубна не долететь.

Меня занимал вопрос об Ульгене, который, как известно, считается главным богом у многих этнических групп алтайцев. Я спросила об этом Шуру. Она ответила, что у суранашских чалканцев главным родовым богом является Тьяжин, а у курмач-байгольских – Ульгень. Затем она произнесла ту самую фразу, смысл которой стал понятен не сразу.

Когда у отца забрали бубен, он лишился возможности совершать жертвоприношения главному божеству. Оставшийся без людского внимания Тьяжин начал насыпать на шамана и его род всевозможные несчастья. Из шестнадцати детей, а также

других родственников, в живых остались только две дочери, у которых, в свою очередь, умирали дети. Как известно, род в тюркских культурах передается исключительно по отцовской линии. Следовательно, в настоящий момент чалканский род Серт обречен на исчезновение. Это и имела в виду Шура, сравнивая Ульгёня с Тяжином.

Моя работа с сестрами Шурой и Санькой была интересной и увлекательной. Впоследствии, развирая свои записи, анализируя материал, я убедилась, что неясных мест в данной традиции осталось не меньше, чем было. Парадоксальным образом расширение знаний приводило к расширению сферы незнания.

К огромному сожалению, мне не пришлось больше побывать в Суранаше. В 1995 г. весной умерла Шура. Вместе с ней ушел огромный пласт шаманских знаний.

#### **Примечания**

Данная статья была передана мне автором вместе с парой других ее работ еще в 1998 г. В ответ на предложение издать статью о челканском шаманстве Г.С. сказала, что хотела бы доработать статью. Сроки "доработки" постоянно сдвигались. В последнем телефонном разговоре мне было обещано прислать доработанный вариант статьи в начале марта 2000 г. и ... до конца сентября я вновь так ничего и не получил. Учитывая тот факт, что материалы, собранные Г.Б. Сыченко у челканцев – уникальны, я решился опубликовать данную работу. Статья имеет вполне законченный характер, а по живости изложения материала и впечатлений, на мой взгляд, может быть отнесена даже к числу образцовых. Все свои комментарии, которые при желании и особенно к разделу "шаманский пантеон" можно было превратить в отдельную статью, я постарался свести к минимуму. Написание всех челканских терминов и фраз дается в авторском варианте. – Прим. отв. ред.

<sup>1</sup> Анна – Анна Макаровна Кандаракова, учительница-пензионерка, и Катерина – Екатерина Павловна Кандаракова, канд. ист. наук. Обе живут в Горно-Алтайске. Большие знатоки, собиратели и пропагандисты чалканской культуры.

<sup>2</sup> Наталья Кондратьева, кандидат искусствоведения, исследователь интонационных культур алтайских тюрков.

<sup>3</sup> *Аксыялуг* – иносказательное название божества, духа во время камлания.

<sup>4</sup> *Аданыг* – иносказательное название шамана во время камлания. [Здесь следует обратить внимание на то, что это типичное название шамана во время камлания у телеутов, шорцев и челканцев. Правильно – *аданныг*, "имеющий бубен-адан". *Адан* – холощенный, "священный" верблюд. – прим. отв. ред.].

<sup>5</sup> В дальнейшем мне неоднократно приходилось убеждаться в том, что людям традиционной культуры – будь то сам шаман, обычный человек или даже городской интеллигент – крайне трудно работать с шаманским материалом (прослушивать его, записывать текст, уточнять имена богов, духов и т.д.). Например, шаман Т.П. Крачнаков, которого мы с Е.П. Кандараковой пригласили для консультации по поводу некоторых "темных" мест в тексте описанного выше камлания, при прослушивании записи также ощущал дискомфорт. Внешне это проявлялось в том, что с него градом катился пот. В конце концов он отказался работать.

<sup>6</sup> Речь идет об одной из двух крупных патронимий, имевших общую фамилию Барбочаковы и входивших в сёёк-род Шалганну/Шалганныг. Подробнее о родовой структуре челканцев см. в наст. сб. в статье "Численность и расселение челканцев в XIX веке". – Прим. отв. ред.

<sup>7</sup> Как и предыдущем случае речь идет о патронимии. См. примеч.6. – Прим. отв. ред.

<sup>8</sup> Таштагол, Прокопьевск, Новокузнецк – названия городов в Кемеровской области.